

Проза Андрея Салова необычна, на первый взгляд, своеобразна. Читателю его творчество пока мало известно, хотя у него уже вышли две книги «Свидетель Апокалипсиса» и «Нафаня», его рассказы изредка появляются на страницах местной печати. Андрей работает в жанре фантастики и мистификации. Но в отличие от многих динамичных и «напористых» произведений нынешних авторов, пошедших по наиболее легкому и поверхностному пути устрашающих и внешне шокирующих сюжетов, проза Андрея Салова психологична, духовна, ведет от темного к светлому, утверждает добро и созидание.

Всего несколько лет прошло со времени первой публикации, но в письменном столе молодого прозаика — значительный авторский багаж: рассказы, повести, роман. Это говорит о добром творческом потенциале, о целенаправленной работе над словом и над собой. Сегодня есть все основания для того, чтобы принять его в Союз писателей. Верю, что так и будет.

А. ПАВЛОВ,
член Союза писателей России.

Андрей Салов,
вырубщик второго обжимного цеха.

ИСТИННАЯ СУЩНОСТЬ

Рассказ

... Радио, дремавшее беспробудным сном, ожило, и чей-то сонный и скрипучий голос повторил набившую оскомину, не первой свежести новость: «Граждане, напоминаем вам, что в связи с резким ухудшением криминальной обстановки в городе, с действиями маньяка-убийцы, введен комендантский час. Позднее 21-го часа передвижение по городу разрешается только при наличии пропуска установленного образца за подписью военного коменданта. Повторю: граждане города, напоминаем вам, что в результате...»

Я выключил радио и снова бросился в распахнутые объятия ночи. Ночь. Тишина. Не слышно ни звука, ни даже отдаленного шороха за окном. Все уснуло. Все спит. И лишь презрительная рожа круглолицей луны скалится с далеких небес, укрытая пышной, пронзительно-черной шубой, расшитой мириадами звезд. Она смотрит с небес на уснувший город, и в ее огромных, неживых глазах отражается этот мир, такой неживой и заброшенный, в грязно-серых разводах снега. Понуро склонясь к земле, по-зимнему голые и беззащитные деревья тщетно пытаются укрыться, спрятаться от тоски зимней ночи и холодного взора луны.

Вся живность — все, что бежит, ползает, летает, — затаилась, едва явился из-за туч прозрачный лик луны. Все притихло в ожидании дня. И лишь двуногие букашки — люди — еще продолжали суесться в огромных кирпичных коробках, стреляющих по сторонам бесконечным множеством горящих глаз. Но постепенно утомились и они. Погасли глаза каменных исполинов, давших им приют. Все стихло. Все замерло в предвкушении нового дня и света.

Тишина. Ничто не нарушает ее власти. Даже ветер, бесновавшийся еще пару часов назад, куда-то исчез. Возможно, туда, где нет взвизгивающей с небес холодной красавицы.

Немота. Лишь изредка прогремит по булыжной мостовой заблудившееся железное чудовище-грузовик, отупевшее в ночи, неведь откуда взявшееся и неизвестно куда направляющееся. Но смолкнет вдали грохот колес — и тишина становится еще отчетливее, она сгущается, и кажется мне, что стоит протянуть за окно руку, как она мгновенно ошутит вязкость разлитых там тишины и тоски.

Ранящая грусть и безнадежность струятся на землю с небес, с далекой и неприступной, злобеще холодной красавицы Луны.

Одиночество порождает тоску и безысходность. Не спится. Я сижу около окна в этот поздний час. Колеблющийся свет свечи отбрасывает на стены жилища причудли-

вые тени. И мне грезится вновь Черный Ангел, что приходит так часто ко мне в моих полных неведомой тревоги снах. И я жду его зова, взмах крыла, влекущего за собой.

Мои руки покоятся на открытой книге, бесконечно давно забытой разумом. В каком-то странном оцепенении я продолжаю перелистывать страницы, скользить глазами по строчкам написанного.

Я устал от всего. Устал от шума, грязи и суесть большого города. Я чужой. Я не должен быть здесь. Я понял это давно, в тот самый первый день, когда мой осмысленный взгляд задержался на звездах и я увидел их свет. Уже тогда в по-детски чистую душу закралось подозрение, переросшее с годами в твердую уверенность. Я — чужой в этом мире. Быть может, я родился слишком рано? Или слишком поздно? Я — чужой. Но насколько? До каких пределов? И есть ли предел чужаку? И Черный Ангел — кто он? Что он хочет сказать мне там, в ином мире, ином измерении, где мы встречаемся с ним под покровом сна? Я тщетно силюсь понять его, но кто-то или что-то мешает, вырывает из красочного очарования сна в промозглую ночь с глумливой луной.

Но я верю. Верю и жду. Мы обязательно встретимся назло бескрайнему океану тоски и могильному холоду одиночества. Это случится скоро, очень скоро, быть может, в этот день и даже час! И я жду в тишине, лишь на мгновение прерываемой вкрадчивым шепотом страниц.

... Свет свечи полыхнул прямо в глаза, и я отпрыгнул прочь от куска взбесившегося воска. И только в другом конце комнаты до ума дошло, что я сделал. Нет, человек не способен на это! Но человек ли я? Конечно, я мыслю, помню все как и прежде, даже более ярко. Я не забыл ничего. Разум — единственное, что делает человека воистину человеком, — был при мне и задавал вопросы. Человек ли я? Да, если исходить из этого. Нет, если смотреть глазами другого человека. Не человек — и не животное. Нечто среднее. Скорее, человек в обличье зверя с наполненными разумом голубыми глазами. Я был оборотнем, пришельцем из чуждого мира.

Я стал зверем. Почти. Но если взглянуть в глаза, то все звериное, как ненужная шелуха, отлетает прочь, обнажая человеческую сущность. Моя фигура стройна и грациозна: черный зверь, прекрасная пума, житель ночи.

Мягко втянулись острые, как бритва, когти в подушечки лап, превратив и без того легкую поступь в неслышное скольжение тени.

Бросив прощальный взгляд на окно, на забытую книгу и истекающую горячими слезами свечу, я выскользнул за дверь.

Нос втянул в себя прохладу ночи. Тишина. Ни звука не слышно в унылом каменном мешке подъезда. Все спит. Никто не заметит меня, не поднимет шум, переполошив всех и прервав волшебный миг торжества, которого я ждал всю жизнь. Люди спят, я один. Почти. Мое зрение еще не сформировалось в зрение зверя, ведущего ночной образ жизни. Я слеп, как обычный человек, но я чувствую, что не одинок, множество таких же, как я, где-то совсем рядом в ночи и зовут меня. Я должен идти к ним, прочь из развальной пасти подъезда навстречу головам таких же, как я, существ, собравшихся там в чудесное, полное неведомого полнолуние. Но некая сила толкает прочь, нашептывая слова утешения, что я еще не готов и нужно немного обождать. И я верю этому голосу. Я послушно иду за ним. Я узнал его. Я узнал бы его из мирада голосов. Он мог принадлежать только ему — Черному Ангелу! Он пришел за мной.

Я на чердаке. Темнота не кажется мне столь пронзительной. Я вижу в ночи. Ярываюсь на крышу взглянуть на мир новыми глазами, но тот же голос шепчет: «Жди!» И я жду. Жду, когда отступит и расправятся за плечами маленькие черные комочки, набухшие на мне при выходе из квартиры — каменной ловушки, стерегшей добычу много

лет. Они вырастут — и я взмахну крылами. Он даст знак, и я вылету в мир, бесконечно старый, но в эту ночь полный неведомых открытий.

Сигнал подан. Черные крылья швырнули меня в зияющий провал чердачного окна.

...И я парил. Скользил над раскинувшимся внизу притихшим миром, над серыми и унылыми коробками зданий и сказочным, по-зимнему уродливым лесом. Я высоко, я подобен птице. Восхищение переполняет меня, каждый нерв внутри ликует и поет. Вот он я — настоящий, каким был в душе всегда, все эти годы, вынашивая в сердце ослепительно черные крылья. Я ближе к Луне, чем когда-либо раньше. Она больше не казалась мне безжизненной и глумящейся уродиной. На ней определенно что-то было, что-то белое и величественное, подавляющее собой, отбрасывающее вниз мертвенный свет.

Я бросил взгляд вниз. Там кипела жизнь. Улицы города, крыши домов были заполнены разнообразным людом. Их не могло быть. По человеческим законам они не могли существовать. Я слышал их голоса, находясь в необозримой дали, я понимал их, ведь это был мой народ, вечный и единственно настоящий, издревле обитавший на Земле. Это был древний народ, не чета тому, что мертвыми куклами спал сейчас в тесных клетушках-комнатах. Где-то там у окна застыла и моя пустая оболочка, бессмысленно тараша в пустоту лишенные разума глаза. И я смеялся над презренным телом, над жалкой скорлупой, столь долго сдерживавшей мою подлинную сущность.

Постепенно во мне нарастало негодование. Почему, за что я вынужден владеть презренной жизнью, уродовать душу в вызывающей отвращение оболочке, именуемой человеком? Кто он, втиснувший меня туда, обрекший на мучения? Кто он? Я ненавижу, я презираю его!

— Кто он!? — донесся с небес до земли полный боли крик.

— Кто он? Я презираю его! — кричал я.

Вопль раненой души не мог остаться неслышанным. Его впитал в себя весь мир. Он взглянул на меня тысячами глаз, и в них я прочел страх! Они боялись. Они ходили по земле, лишенные крыльев, истрашили неведомого кого-то, вснувшего их в обреченные плоть послушные куклы, заставившего играть бесконечно долгую жизнь, роль глупых и покорных марионеток и лишь на краткое время, в момент полнолуния, позволявшего их истинной сущности вырваться наружу, сбросив бремя телесных оков.

Кто он? Где он? Ответ я прочитал в пропитанных немим ужасом глазах своего народа. Я разглядел в них Луну. Я увидел Его, восседающего на троне, ослепительно белого в окружении сонма белоснежных ангелов. Они взирали на Землю, и в их глазах я прочел презрение и приговор Народу, жестокий и бессмысленный. И я вновь оглядел притихший Народ, что собрался здесь со всего света. Он больше не казался огромным и бесконечным. Жалкая кучка, несколько сотен — все, что осталось от некогда многочисленного и великого Народ, замененного им, Сидящим-На-Луне, миллиардами бездушных марионеток.

Но ему было мало просто уничтожить нас. Он унизил оставшихся, загнав их в тщедушную плоть безмозглых кукол, заставив жить чужой жизнью до тех редких ночей, когда он был не в силах совладать с полнолунием, с блеском Матери-Луны, давшей некогда жизнь Народу.

Он сидит на троне в окружении презрительно-высокомерных ангелов, взирая свысока на древнейших обитателей планеты, стараниями его почти полностью исчезнувших. И он скалится с небес в немом глумлении.

И я не выдержал. Я ринулся туда, к звездам, одержимый желанием достичь его, уцепиться когтистой лапой за край трона и залепить ослепительно черным крылом звонкую пощечину ухмыляющемуся тирану.

Но я не достиг подножия трона. Черная молния, слетевшая с далеких небес, низвергла на землю, повергла во прах. Я корчился, извивался в агонии, как смертельно раненный зверь. Я, подобно червя, мерзкому и жалкому, барахтался в собственном гноище и нечистотах. Меня ломало, корчило и коржило в неописуемых муках. Тысячи тупых и иззубренных игл вспарывали тело, раскаленные щипцы рвали из трепещущей плоти куски обильно одобренного кровью мяса, прижигая обнажившиеся раны. Кожа сдиралась с меня медленно, миллиметр за миллиметром, и тут же на обнажившееся мясо сыпалась соль, разъедающая агонизирующую плоть до костей. А они попадали в костедробилку. Кто-то неведомый и огромный, чавкая и сопя, высасывал спинной мозг и смачно хрустел позвонками. Фонтаны, океаны, бесчисленные галактики боли обрушивались на меня, чтобы сломить разум, утопить его в хаосе боли, сделать жалким и ничтожным.

Но разум сильнее боли. Я не червь! Я человек! Я был, есть и буду всегда! Я жил здесь до прихода Сидящего-На-Луне, я буду жить и после того, как он сгинет с лица земли вместе с живыми марионетками в грядущем Космическом Апокалипсисе. Он понимал, что я знаю это, и продолжал насыпать на меня все новые волны боли.

Но время ушло. Разум восторжествовал над брэнной плотью. И ночь. Это была ночь моего Народ. И мы были не одни, на нас смотрела с небес Луна — наша подслеповатая старушка-мать. Она, ее ласкающий свет дали силы подняться, воспрянуть из праха.

И я встал над бедным и бесцельным миру, притаившемуся в далекой небесной выси. Я рос. Я становился все больше и больше, я приближался к Луне, не отрывая глаз от искаженных ужасом лиц, под аккомпанемент шелестящих на ветру черных крыльев.

И я ударил. По ненавистному и жалкому, искаженному злобой и паническим страхом лицу. Брызнули в стороны осколки проклятого трона, водопадом обрушиваясь на меня...

...Криминальная хроника: «6 февраля, в 24.15 местного времени, у дома № 13 по ул. Циолковского выстрелом из армейского карабина убит молодой рабочий М., 1969 г. р., возвращавшийся с работы. Преступник задержан, ведется следствие. Есть веские основания предполагать, что это и есть маньяк, терроризировавший город. Возмездие грядет!»

